

Крюкова Н.В.

УДК 81:1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Постановка проблемы. В настоящее время особую актуальность приобретает проблема влияния различных отраслей науки друг на друга, их взаимопроникновение, и, порой и своеобразный «спор» о приоритете. В этой связи достаточно обширный материал для исследования предоставляет аспект взаимодействия двух гуманитарных наук – филологии и философии. Взаимодействие, взаимозависимость и взаимопроникновение исследований в данных областях знания невозможно отрицать. Более того, во взаимоотношениях филологии и философии ярко отображаются некоторые важные особенности интеллектуальной жизни общества.

Анализ основных исследований и публикаций. Тема «филология и философия», а также «филология или философия» исследуется разными авторами. В нынешнее время она представлена в работах Н. С. Автономовой, А. Пятигорского, М. Ямпольского [1,3,4].

Целью статьи является изучение отдельных проблем взаимовлияния и взаимозависимости таких областей гуманитарного знания как филология и философия, а также рассмотрение проблемы обогащения концептуального языка философии при переводе философских текстов с иностранного языка.

Изложение основного материала. Вслед за А. Пятигорским можно утверждать, что если философия первой половины 20 века была лингвистической, то всю философию второй половины века (собственно современную философию) можно назвать филологической. Иначе говоря, Лакан и Деррида как филологические философы (для которых язык бесконечен и неисчислим) пришли на смену Витгенштейну и Айеру (для которых язык конечен и исчислим). Поскольку филология это универсальный текст о текстах, а философия – универсальный текст о мышлении, филологическая философия несет в себе некий парадоксальный импульс: она опирается на текст как на свой первичный материал, но вместе с тем выходит за рамки текстуального [3].

Получается так, философия будучи изначально изузстной, вывела текст (или, по крайней мере, некоторые тексты) – как нечто «не своё» – за собственные пределы и тем самым дала филологии свободу дальнейшего самостоятельного развития. Но филология, запамятавав о том, чем была обязана философии, стала все тексты воспринимать и описывать как «свои». А философия, выйдя из стадии изузтности и нуждаясь в надежном закреплении результатов своей работы, спохватилась о своём «даре» филологии, но столкнулась в её лице с уже укрепившимся «другом-врагом».

Переживают ли означенные науки своеобразный кризис, и какая из них - в большей степени?

М. Ямпольский утверждает, что на протяжении долгих лет существования советской власти философия во всей широте своей области знания у нас была на периферии культуры; она не была продуктивной. Центральной дисциплиной выступала скорее филология, которая впитывала все новейшие идеи (структурализм, семиотика, исследования мифа, психоанализ и др.). А в данный момент кризис филологии обусловлен общим кризисом структурной методологии. Очевидно замирание рефлексии, все силы брошены на архивную работу, публикации, комментарии и предисловия. В обществе образовался интеллектуальный вакуум, а тем самым в нем высвободилось место и для философии, которое раньше занимали другие дисциплины. Выйти из своего нынешнего тупика филология сможет только с помощью философии: в любом случае новации, связанные с описанием микроструктур, могут прийти в филологию только через философию[4].

Что общего и что разного между философами и филологами? У них во многом общий материал – текст, хотя объекты из этого материала они выкраивают разные. У них безусловно разные способы интерпретации текстов, а кроме того разные акценты – на чужом в тексте (филология как служба понимания) или на своем в тексте (философия). Для филолога почти все важное в тексте выражено словами, для философа – ничто важное в тексте словами не выражается.

Следует отдельно отметить мнение Н. С. Автономовой [1]. Она, оценивая ход дискуссии, отмечает следующее. Филология, с точки зрения философов, неактуальна по определению, ибо невозможна как филология настоящего. И все потому, что она превращает переживаемое событие чтения в «исторические документы», в мертвую вещь. Про филологию, с точки зрения философов, нельзя даже сказать, права она или не права: она просто не имеет никакого отношения к тем самым важным для современной культуры текстам, которые «бессмысленны», но несут в себе, можно сказать, заряд некоей нерепрессивной жизненности. При этом свою собственную технику чтения философы не показывают, утверждая, что она не имеет отношения к языку, и провозглашают принципы «непосредственного» чтения, которое призвано выявить «собственную коммуникативную стратегию» произведения.

В этом наборе философских предпочтений Н. С. Автономова указывает на три главных момента – актуальное, непосредственное, бессмысленное, которые тесно связаны между собой [1].

По поводу момента «актуальное». По-видимому, за упреком филологии в ее неактуальности стоит несколько мотивов. Прежде всего, это попытка отобрать у филологии определенные тексты, нужные философии, – назовем их языково-экспериментальными (это Джойс, Кафка, Платонов, Пруст, Белый, Малларме, Бекетт, Введенский, Хармс). В более широком смысле слова это – попытка утвердить свое право на «непосредственное» чтение *любых* текстов. Тут нелишне вспомнить утверждение А.М. Пятигорского, который утверждал, что филологу не нужны *новые* тексты (он всегда скажет что-то новое о старом), а философу *вообще* не нужны тексты (он сам их сочинит) [3].

По поводу момента «непосредственное». В этой связи стоит говорить о понятиях непосредственного переживания, удовольствия. Можно полагать, что в известном смысле никакое научное знание (а не только филология) не имеет отношения к непосредственному переживанию, и что именно потому оно и может быть наукой, что отвлекается (и в анализе, и в изложении результатов познания) от непосредственного переживания. Природа знания и природа реального – тоже различны. Концепт собаки не лает и не утешает нас собачьей преданностью, а структуры семьи и брака не согревают, как домашний очаг. Но нас может согреть или потрясти художественный образ Каштанки, равно как и картины семейной жизни у Льва Толстого. Весь вопрос в том, зачем философам эти привилегии поэтов и художников? И вообще – насколько возможно непосредственное чтение и непосредственное отношение к читаемому? Ведь в известном смысле ничто прямо человеку не дано: ни вещи, ни слова, ни даже эмоции. Притязая на непосредственность переживания и описания, философы тем самым притязают на нечто внечеловеческое.

По поводу момента «бессмысленное» (в значении – неупорядоченное). Говоря о смысле и бессмыслице, филологи и философы имеют в виду разные фигуры смысла. Филологические смыслы менее антропоморфны: если тот или иной узор (звуков, значений, графем) более упорядочен, чем при игре в кости, если в нем есть периодичность повторений, значит, в нем уже есть смысл. Философские смыслы более антропоморфны: для философа смысл предполагает осознание, овладение (или неовладение), само наличие субъекта, осуществляющего эти операции. Бессмыслица повсюду сопровождает человеческую жизнь и человеческую работу с языком (известно, что синхронные переводчики не понимают ничего из переводимого, и если бы стремились понимать, не смогли бы переводить) и что осмысление всегда (а не только по занудству филологов) наступает задним числом и представляет собой определенную конструкцию. Это конструирование, если отнестись к нему осознанно, предполагает ряд правил. Например, требуется учитывать, что внутри каждого текста имеются более упорядоченные и менее упорядоченные слои и уровни (иногда менее упорядочен семантический, более упорядочен синтаксический, иногда наоборот); что в один и тот же период в культуре всегда сосуществуют более упорядоченные и менее упорядоченные формы текстов; что периоды большей или меньшей упорядоченности сменяют друг друга в истории культуры вообще, и в той или иной национальной культуре, в частности; что сила впечатления, производимого текстом, зависит от фоновых ожиданий, определяемых преобладанием в культуре тех или иных текстов; что впечатление упорядоченности-неупорядоченности меняется в зависимости от числа прочтений (первое, второе, многократное) и проч., и проч. Именно поэтому неупорядоченное, бессмысленное не может ни существовать, ни рассматриваться само по себе, в отрыве от «упорядоченного» и «осмысленного». Ю.М. Лотман в поздних работах, где он исследовал постепенное и взрывное в культуре, особо подчеркивал, что в каждый отдельный период эта разветвленность противоположных тенденций обычно вызывает самые резкие столкновения между современниками, хотя историку культуры видна, прежде всего, их взаимная необходимость [2].

В означенном поле исследования отдельно стоит указать на те аспекты, в которых филология и философия наиболее тесно взаимодействуют. Таковыми являются, например, проблема формирования философской терминологии, проблема формирования концептуального языка, и связанная с этим проблема перевода и понимания при чтении философских текстов. Концептуальные языки всегда создавались и обогащались переводами. Но ведь вопрос о переводе предполагает не только переход с языка на язык, но и переход из одной культуры в другую, пересечение многих границ - идеологических, лингвистических и проч. Понятия не дрейфуют сами собой через культурные границы, нужна работа для того, чтобы это могло произойти. Перевод предполагает в первую очередь выявление области значимых понятий оригинала. Философ может их выявить, но, как правило, не умеет переводить тексты. Сохранить эти понятия в тексте перевода может скорее филолог, учитывающий культурно-исторические и лингвистические сложности подбора и апробирования понятийных эквивалентов. Но дело не только в переводах, создающих и обогащающих философский и литературный язык. Поскольку философы попадают в историю через историю философии, а история философии пишется во многом усилиями филологов, постольку и здесь нужны их взаимные усилия.

Исследователи отмечают три важнейших источника русского философского языка - это старославянский язык, который остается источником «национальных» корней, латинский язык и немецкий язык (от Лейбница до Гегеля и Шеллинга). Статус старославянского языка вызывает споры: воплощает ли он некую особую жизненность истоков русской философии, как полагают некоторые, или, напротив, в зародыше погубленное концептуальное богатство греческой мысли? Безусловно, что именно переводы с немецкого в новое время были главным источником развития русского концептуального языка. Это относится, например, к переводам Лейбница или Христиана Вольфа в 18 веке, Гегеля или Шеллинга в 19 веке. Однако в России переводы настоящих крупных философских текстов начались очень поздно, практически к концу 18 века. Несмотря на прекрасные переводы философской классики, сделанные в конце 19 и в 20 веке, философия в советской России развивалась в отрыве от естественных процессов рецепции и переосмысления философской классики в 20 веке. Из-за этого сейчас и приходится решать - одновременно и в сжатые сроки - и задачи перевода и понимания текстов, и задачи выработки концептуального языка. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, связанные с проблемами перевода философских текстов с иностранного языка.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Отношения между философией и филологией не определены раз и навсегда, они складываются в конкретных обстоятельствах, что предполагает культурные взаимодействия и постижение языков друг друга. При этом будет хорошо, если филолог не

будет бояться философской рефлексии и станет видеть в ней опору, а не помеху, а философ преодолет свой страх перед «агрессивностью» языка, который якобы лишают сознание его суверенности. Все эти обстоятельства позволяют предположить, что в нынешней ситуации речь может идти не о помощи (ослабшей) филологии со стороны философии, но о помощи философии со стороны филологии. Именно филология, профессионально призванная быть службой связи в культуре, может помочь (и реально помогает) философии, столкнувшейся с концептуальными дефицитами, проработать и построить концептуальный язык, столь нужный сейчас культуре в целом и философии, в частности. Все вопросы, относящиеся к выработке философского языка понятий, к истории философии, к практикам чтения текстов, вводят в действие и заставляют учитывать приемы и навыки филологической работы. Таким образом, вопрос о соотношении философии и филологии ставится не для того, чтобы сравнивать предустановленные роли или социальные престижи этих дисциплин. Скорее это вопрос о взаимодополнительности в культуре, если взглянуть на нее как бы извне тех тенденций, тех форм работы, которые кажутся современникам взаимоисключающими. Язык – один из факторов и проявлений человеческой личности, и потому сейчас выработка концептуального языка становится вопросом экзистенциальным. Данный факт и указывает на перспективность дальнейших исследований в этой области знания, и, двигаясь из разных концов познавательного пространства, мы приобретаем тот опыт, в силу которого светская и рациональная мысль и должна быть обозначена как значимая позиция в культуре.

Источники и литература:

1. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров / Н. С. Автономова – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 192 с.
2. Лотман Ю. М. О семиосфере : [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман. – Режим доступа : <http://semiotics.ru/sphere/semiosphere.html>
3. Пятигорский А. М. Краткие заметки о философском в его отношении к филологическому : [Электронный ресурс] / А. М. Пятигорский. – Режим доступа : http://www.rvb.ru/philologica/02rus/02rus_piatigorsky.htm
4. Ямпольский М. Философия по краям. Интервью А. Иванова с В. Подорогой и М. Ямпольским / М. Ямпольский. – М. : Ad Marginem, 2000. – 287с.

Кузев В.В.

УДК 21:14

ПРОБЛЕМА АДА КАК КОМПОНЕНТ ПРОБЛЕМЫ ЗЛА В ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Концепция рая и ада в религии отображает развитие морального учения, в соответствии с которым добро и зло, совершаемое человеком, должно получать справедливое воздаяние. Вместе с тем, решая в определенной степени вопрос о надлежащем воздаянии, данное учение вызывает затруднение следующего характера. А именно – необходимость согласовать положение о всемогущем и всеблагом Боге с доктриной об ужасных страданиях, претерпеваемых грешниками и, соответственно, потребность в выработке адекватной теории, которая позволила бы объяснить указанное противоречие.

Целью данной работы выступает религиозноведческое исследование темы получившей название проблема ада в ее философско-теологическом измерении. Соответственно цели автор ставит перед собой такие задания как: проследить становление традиционной концепции ада, выявить богословские и философские предпосылки формирования данного учения, провести религиозноведческий и философский анализ альтернативных учений относительно загробного воздаяния.

Некоторые аспекты указанной тематики привлекли внимание ряда философов и богословов, в частности к ней обращались В. Соловьев, Ф. Шлермахер, Р. Суинберн, Г. Кюнг, Т. Талботт, Дж. Кванвиг. Вместе с тем следует констатировать недостаток исследований посвященных конкретно данному феномену, особенно с позиции академического религиоведения, что и определяет *актуальность* нашей работы.

Традиционная концепция ада предполагает следующие положения: некоторая группа людей обрекается Богом на пребывание в аду (*сотериологический сегрегационизм*); ад – это место, где люди продолжают существовать и чувствовать боль (*антианнигиляционизм*); не существует никакой возможности выйти из ада или изменить свое положение; ад признается не местом очищения, но только наказания (*ретрибутивная функция ада*).

Данное понимание природы ада укоренено в сакральных текстах и Предании христианства. В Новом Завете неоднократно упоминается геенна огненная как место грядущего наказания (Мф. 5:22, 5:29-30). В сочинениях авторитетных богословов также можно найти немало страниц, призванных подтвердить учение о вечности ада. Так, Василий Великий (330-379) предупреждает об ошибочности надежды, что адские страдания когда-нибудь прекратятся [1]. Другой отец церкви Кирилл Иерусалимский (315-386) заверяет: «Если же кто грешен, получит вечное тело, долженствующее терпеть мучение за грехи, дабы вечно гореть в огне и не разрушаться» [4].

Большинство подобных текстов, относящихся к вопросам загробного воздаяния, написаны в полемичной манере, что указывает на затруднения, с которыми сталкивалась доктрина вечного наказания уже в ранней церкви. По мнению автора, проблема ада не только напрямую соотносится с общей